

Я. Т А Й Ц

ПРИКАЗ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

Я. ТАЙЦ

ПРИКАЗ

РАССКАЗЫ

Издательство «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» Москва 1968

Цифровка
dominas
2017

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Мы напечатали в этой книге три рассказа известного советского писателя Якова Моисеевича Тайца (1905—1957).

Я. М. Тайц написал много книг для детей. Это сборники рассказов: «Неугасимый свет», «В школьном переулке»; повести «Находка», «Под горой Гедимины» и другие. Прочитайте, ребята, эти книги и напишите нам о ваших впечатлениях. Наш адрес: Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Рисунки В. Наумова

ДОМ

1

За околицей, на отлёте, одиноко стояла изба. Кто в ней жил? Старик Аким, жена его Акулина и ребята: Колька, Толька, Федька и самый маленький — Кирюшка.

3

Жили ни бедно, ни богато — как в песне поётся:

Он ни беден, ни богат,
Полна горница ребят.
Все по лавочкам сидят.
Кашу маслену едят.

Правда, кашу ели не масленую, а пустую. Время тогда было голодное: шла гражданская война, красные воевали с белыми.

Вот красные заняли это село. А командир у них был известный герой Котовский.

Богатые мужики плохо встретили красных, зато бедные — очень хорошо. А ни богатые и ни бедные — ни плохо и ни хорошо. Так же и Аким.

Ребята его побежали на улицу, а он остался дома — притаился, смотрит в щёлочку.

Запылённые, усталые, шли котовцы. Впереди на сером жеребчике ехал сам Котовский — высокий, прямой, статный...

Аким вздохнул:

— Серьёзный у них командир, чистый генерал!.. Гляди, Акулина, бабы им хлеба выносят. А Спиридониха им шматок сала несёт... От дурная!

— Беда! — отозвалась Акулина. — Деникинцы были — свинью порешили, петлюровцы были — коня увели, теперь красные пришли —

сало отымают. А у нас, кроме дома, и взять-то нечего.

Аким с тревогой оглянулся. И хоть в хате было темно, он ясно видел всё своё, привычное: вот он, сундук, вот она, дубовая кровать, вот они, семь подушек мал мала меньше...

Он очень боялся за свой дом. Правда, это был не то чтобы дом, а правильнее сказать — изба. И не то чтобы изба, а вернее всего — избушка. Он сам её в молодые годы срубил, по брёвнышку, по колышку...

В дверь постучали.

— Они! Легки на помине... — зашептала Акулина. — Не пускай их, Акимушка! Не пускай!

Но дверь отворилась, и в хату ввалились ребята: Колька, Толька, Федька и самый маленький — Кирюшка. И ещё соседские: Петька, Мотя, Луша...

Это бы всё ничего. Но среди ребят вышались два котовца в высоких, бутылкой, шлемах, в потрёпанных шинелях, с винтовками, шашками, гранатами...

— Сюда идите, красные армейцы, сюда, не бойтесь! — шумели ребята. — Сымайте ружья, сымайте шашки! А пулемётов нема, „максимков“ этих?

Котовцы улыбались Акиму:

— Домик, верно, славный у тебя, товарищ!

Акиму очень понравилось это слово — „товарищ“, но он боялся: войдут, сядут, а то и лягут, сомнут подушки, угощения потребуют. И, вместо того чтобы сказать: „Да что вы стоите? Заходите!“ — он стал врать:

— Какой там славный! Крыша насквозь сопрела, по всем щелям ветер бьёт.

Акулина запричитала:

— Немцы были — всё жито до зерна обчистили, петлюровцы были — коня увели, поляки были...

Котовец перебил:

— Всё село привечает нас, а в этом славном доме, значит, элемент особый! — Он снял шлем, вытер лицо. — Видать, с беляками сладко-сахарно жилось?

Аким покосился на жену:

— Ох и сладко ж! Хряка закололи, жену мою сапогами в живот пинали. — Он разозлился: — Мой элемент такой, что места для чужого дяди у меня нема, хоть он и красный, хоть какой другой. А там как хотите!

Соседские ребята засуетились:

— К нам идите, красные армейцы, к нам, тучки близко!

Котовец надел шлем:

— Пойдём, Петров!.. А тебе, хозяин, спасибо за ласку!

Они, хлопнув дверью, ушли. В избе стало тихо. Вдруг Кирюшка заплакал:

— Батька, плохой, почему не пустил?

Старик разорался:

— Цыц! Меня не учить! Голова як казан, а разуму ни ложки!

...Три дня отдыхали котовцы в селе, и все три дня Акимовы ребята пропадали у соседей. А Кирюшка раз прибежал вечером, весёлый, важный:

— Ребята, ребята, а я с кем говорил!

— С кем?

— С Котовским!

— Ври!

— Чтоб я лопнул! Он у Спиридонихи стоит. Я туда пошёл, и вдруг — он. С коня слазит. А я не побоялся. Стою такочки, смотрю. А он говорит: „Котовцем хочешь быть?“ Я говорю: „Хóчу!“ Он меня тогда взял и на своего коня посадил. Во! А слез-то я сам. А он говорит: „Вырастешь — помни К-к-котовского!“ Он, ребята, трошки заикается!

— Правда!

— Он!

Ребята с завистью смотрели на Кирюшку. А он достал из-за пазухи какую-то фляжку с заграничными буквами и похвалился:

— Смотрите, что я в лесу нашёл! Поляцкая, верно.

От фляжки сильно несло спиртным. Подошёл Аким, повёл носом:

— Это что у вас?

— Нема ничёго!

Кирюшка незаметно сунул находку в печь. Легли спать. Среди ночи Акулина вско-чила:

— Ой, ратуйте, ратуйте!

Она растолкала спящих. Спасать добро было поздно: горящий спирт из фляжки залил всё вокруг. Сухой сосновый домик горел, как спичка. Пришлось всем, захватив одежку, прыгать в окно. Сотни огненных языков жадно лизали стены, крышу...

Вот рухнули стропила, взметнулись искры, посыпались на Акима... Старик не шевельнулся, будто каменный.

Акулина выла:

— Ой, лихо нам! Ой, ратуйте!

Сбежался народ — кто в штанах, кто в рубахе, кто в чём. Акулину утешали. А Кирюшке хоть бы что. Ему пожар понравился. Хоть бы каждый день такие! И вдруг он увидел маленького полкового трубача и... Котовского.

Кирюшка подбежал, гордый:

— Это у нас пожар, у нас!

Но командир не узнал „котовца“. Он обернулся:

— Дай тревогу!

Сигналист поднял трубу. Пронзительные

звуки покрыли всё: треск пожара, шум толпы, плач Акулины...

И сразу же сбежались котовцы. И сразу же они привычно, молча строились колоннами повзводно.

Старшины негромко командовали:

— Становись! Равняйся! Смирно!

Изба догорала. Над лесом встало другое зарево — занимался день.

Комбриг прошёлся вдоль рядов:

— Т-т-товарищи бойцы, командиры и по-

литработники! К-к-короче говоря, если мы все всем квартирующим здесь полком, возьмёмся за работу, то мы, я думаю, поставим к вечеру п-п-погоревшему селянину новый дом. А?

— Надо! — зашумели бойцы.

Аким с подпалённой бородой лежал на земле. Котовский, отмахиваясь от едкого дыма, подошёл к нему:

— Товарищ, можешь показать на бумаге, какая твоя изба была?

— Была?.. — Аким поднял голову, бес-

смысленно посмотрел на Котовского. — На бумаге не могу, я так скажу. — Он вскочил: — Здесь от такочки были сенцы... туточки — крылечко .. ось так — чистая по-полсвина... — Он заплакал и стал бородой вытирать глаза: — Я ж сам её срубил... по брёвнышку... по колышку!..

Котовский поднялся на бугор:

— По-олк, слушать мою команду! Вечером выступаем! А сейчас — за работу! Топоры и пилы — у командира сапёрного взвода. Гвозди получите в обозе. Там же пакля... Разойдись!

3

Аким не понимал, что такое творится. Один взвод расчищал остатки сгоревшего дома. Другие ушли в лес. Там в утренней тишине застучали топоры, запели пилы. Часто, одна за одной, валились высокие сосны. Бойцы быстро обрубали ветки, обдирали кору и на полковых лошадях везли стволы к пожарищу. Здесь их подхватывали сотни рук и укладывали по всем правилам плотницкого искусства. Комбриг, обтёсывая жирный бок смолистого бревна, спрашивал у Акима:

— Так, что ли, старик? Окно-то здесь было, что ли?

Сотни рук укладывали брёвна по всем правилам плотницкого искусства.

Старик, разинув рот, остолбенело смотрел на то, как с каждой минутой, точно в сказке, вырастал большой, новый дом. К обеду уже поднялись высокие — о семнадцати стволах — стены. Одни котовцы ушли к полковым кухням — пришли другие, стали класть поперечные балки, стелить крышу, заделывать венцы... В стороне визжала пила-одноручка — там мастерились двери, оконные рамы, наличники...

Винтовки пирамидками ждали в углу. Котовский поторапливал:

— Б-быстрей, товарищи! Д-дружней, товарищи!

К вечеру дом был готов. Народ повалил туда. Аким медленно поднялся по новым ступенькам. Они сладко скрипели. Он потрогал стены: может, он волшебный, этот в один день поставленный дом, и вот-вот развалится?

Но дом стоял твёрдо, как все порядочные дома. Пускай окна без стёкол, пол некрашенный, мебели никакой — всё дело наживное.

На лугу заиграла труба. Бойцы отряхивали с себя стружки, опилки, разбирали винтовки, строились. Аким и Акулина выскочили из нового дома, пробежали вдоль строя вперёд, к командиру. Котовский уже сидел на серой своей лошадке. Полк ждал его команды.

— Батюшка! Родный мой, ласковый! — заплакала Акулина.

Она обняла и стала целовать запылённый сапог командира. Котовский сердито звякнул шпорой, отодвинулся.

— Что делаешь, г-гражданка? — Он погладил её по растрёпанной седой голове и протянул руку Акиму. — Живите! Когда-нибудь получше поставим... из мрамора... с колоннами. А пока...

Он привстал в стременах, обернулся:

— По-олк, слушай мою команду! Шагом...

Застучали копыта, загремели тачанки, заиграли голосистые баяны в головном взводе. Запевалы подхватили:

Пушки, пушки грохотали,
Трещал наш пулемёт.
Буржуи отступали,
Мы двигались вперёд.

И котовцы ушли гнать врагов, воевать за вольную Советскую Украину.

А дом — дом, конечно, остался. Он и сейчас там стоит — за околицей, на отлёте, среди лугов и полей колхоза имени Котовского. Так что, выходит, не один Кирюшка — все в деревне стали котовцами. Впрочем, какой он вам Кирюшка, — Кирилл Акимыч, председатель колхоза.

П Р И К А З

Сейчас Света уже большая и ходит в школу. Но во время войны она была маленькой и ходила в детский сад. А по воскресеньям оставалась дома с мамой и всегда ей помогала. Надо принести что-нибудь — принесёт,

надо убрать — уберёт, надо конфету съесть — съест!

Ей папа писал с фронта:

„Светик, исполняй все мамины приказы, как на войне всё равно. У нас на войне командир если дал приказ, значит, умри, но сделай. А мама для тебя вроде как командир“.

Папа уехал давно, и Света его плохо помнила. Но эти слова запомнила хорошо.

Но вот один раз пришло воскресенье, когда ей с мамой пришлось расстаться.

Утром её разбудили очень рано. Она с трудом открыла глаза и увидела, что возле кровати стоит смешной дядя с мешком и лопатой в руках.

Дядя сказал:

— Вставай, Светик, я ухожу!

И тут только сонная Света догадалась, что никакой это не дядя, а это вовсе её родная мама, которая надела старые папины штаны, и куртку, и даже сапоги...

— Светик, вставай, я ухожу в поле копать картошку, а ты останешься одна дома.

Другая девочка пяти лет, наверно, стала бы тут капризничать, хныкать... Но Света не такая!

— Ой, мамочка, — сказала она, зевая, — как ещё спать хочется!

— А ты только закрой за мной дверь, — сказала мама, — и спи! Только помни, Света, без меня никого не впускать!

— Никого не впускать! — повторила Света.

— Вот. А то будет как в сказке: „Козлятушки, ребятушки, отворитесь, отопритесь!“ Серый волк заговорил маминым голосом, они его впустили, и он их съел!

— А я его не впущу! — сказала Света.

— Вот и молодец! Поешь, поиграй, а к обеду я вернусь.

Мама постояла за дверью, подождала, пока Света влезала на стул и накидывала крючок, потом подёргала дверь, увидела, что крепко, и ушла.

А Света осталась одна. Спать больше ей не хотелось, и она стала одеваться, напевая:

Ваша мать пришла,
Молочка принесла...

Вдруг в дверь постучали. Света на одной обутой ножке доскакала до двери:

— Кто там?

И тут, совсем как в сказке, из-за двери ответили:

— Это я пришла, молочка принесла.

Но Света знала, что никого впускать нельзя, и сказала:

— Не надо молока!

И молочница ушла.

А Света натянула второй ботинок, платье, умылась и села к столу рисовать козу с козлятами.

Но тут снова постучали.

— Кто там?

— Почта.

Но Света знала, что никого впускать нельзя и догадалась:

— А вы просуньте под дверь.

И вот под дверь поползло письмо. Света поняла, что от папы, потому что без марки. Она долго смотрела на него, пока незаметно не заснула тут же, за столом.

Спала, спала, и вдруг её разбудил громкий стук.

„Ой, это, наверно, уже мама!“ — обрадовалась Света и подбежала к двери:

— Мама, ты?

— Здесь живёт Антонина Петровна Кудрявцева? — спросил какой-то дядя за дверью.

„Антонина Петровна? Это, кажется, мама“, — вспомнила Света и сказала:

— Никого нету дома!

— А это кто? — спросил дядя за дверью.

— Это я.

— Кто? Света? — крикнул дядя за дверью.

— А... а вы меня разве знаете? — спросила Света.

— Света, открой быстренько! — закричал дядя за дверью. — Ведь это я приехал, твой папа!

Света растерялась; а может быть, это серый волк прикинулся папой? Она сказала:

— Мой папа на войне!

— Света, доченька, это я приехал... А где же мама?

— Она ушла за картошкой и велела никого не впускать.

— А ты меня помнишь? — спросил дядя за дверью.

— А я не помню, помню или нет, — ответила Света.

— Тогда вот что, — сказал дядя за дверью, — ты подойди к окошку и хорошенько посмотри на меня. А я погляжу на тебя.

— Это можно! — сказала Света.

Она подошла к окошку и увидела военного командира. Ну конечно же, это, скорей всего, её папа! На нём погоны, ремень, наган, спереди медаль на ленточке...

Он протягивал Свете большие руки и что-то ей кричал. Света крикнула ему:

— Сейчас, сейчас!

Она побежала к двери и влезла на стул,

Она подошла к окошку и увидела военного командира.

чтобы откинуть крючок, но потом решила ещё раз как следует поглядеть на папу и снова вернулась к окошку.

И тут она увидела, что во двор через калитку входит мама с мешком и лопатой в руках.

Света закричала, показывая пальцем:

— Мама! Мама! Мама идёт!

Военный обернулся. Мама посмотрела на него, остановилась — и вдруг как кинет наземь и мешок и лопату, как подбежит к нему! Он подбежал к ней, они обнялись посреди двора и давай целоваться и как будто совсем забыли про Свету.

Ей даже немножко обидно стало; она тоже выскочила во двор и тоже стала обнимать папины ноги.

А потом все вошли в комнату. Мама всё твердила:

— Света, доченька! Папка вернулся!..

— Ну да, папка! — засмеялся папа. — А этого папку даже в дом не хотели впустить.

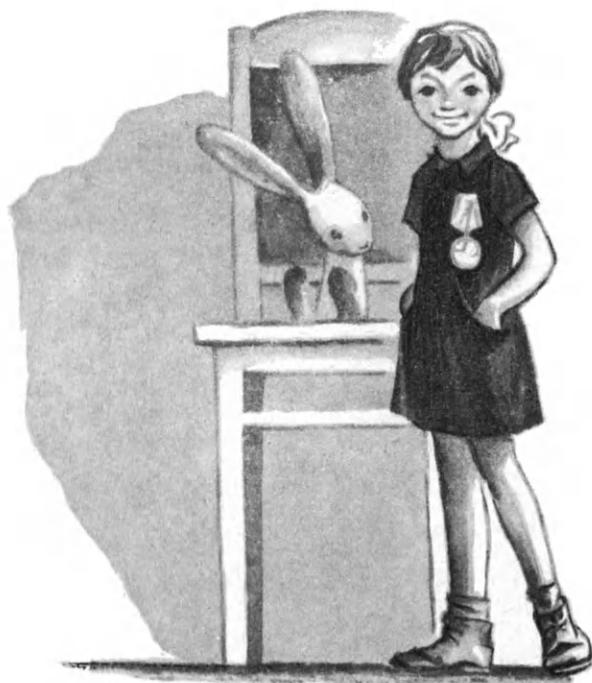
— Но раз мама дала такой приказ! — сказала Света.

Тогда папа взял её на руки и сказал:

— Правильно, дочка, приказ есть приказ! И за это я награждаю тебя медалью.

И он даже снял с себя медаль и повесил на Свету. Правда, он сейчас же отнял её, но всё равно Света чуть не целых пять минут носила на груди настоящую серебряную медаль с надписью:

ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ

КОНЬКИ

Вот живут брат и сестра — Костик и Тома. Томе в августе исполнилось десять лет, и папа подарил ей коньки. Называются „снегогурки“. Это самые лучшие коньки для начинающих.

А Тома — начинающая. Она не умеет кататься, но она зимой видела, как ребята катаются, и всё время твердила:

— Папа, хочу коньки! Папа, хочу коньки! Вот он и купил ей коньки.

Они как санки. Широкий полоз спереди загибается вверх. Сзади шпенёк. По бокам „лапки“.

Вставишь шпенёк в дырочку в каблуке, завинтишь потуже ключом „лапки“ — и мчись куда хочешь, лишь бы под ногами было хоть немного льда или крепкого снега.

Костик спросил:

— Папа, а мне коньки?

— Тебе ещё рано, пожалуй, — ответил папа. — Вот когда тебе тоже исполнится десять, тогда куплю.

Костик не стал спорить. Да и глупо было бы спорить сейчас, когда за окном стоит жаркий день, все ходят в майках и пьют на каждом углу газированную воду.

Потом наступила осень и Тома начала готовиться к зиме. Ей сшили специальный костюм для коньков: лыжные штаны, лыжную кофту с „молнией“, шапочку с голубым помпоном и голубой шарф, который будет развеиваться на бегу.

Тома ясно представляла себе, как она выйдет на бульвар, заложит руки за спину и помчится на своих „снегурках“. И все прохожие будут смотреть на неё и думать: „Как ловко бегают на коньках эта девочка в шапочке с голубым помпоном!“

И вот выпал первый снег. Кругом сразу посветлело. Папа стамеской выдолбил в Томиных каблуках дырки и приладил пластинки. А Тома надела свой костюм и стала привинчивать коньки. Но снег тем временем растаял.

Назавтра выпал второй снег. Тома достала было коньки, но тут и второй снег растаял.

Тома сердилась на погоду. Каждый вечер она слушала радио. Наконец сказали: „Ожидается похолодание, небольшой мороз“.

Тома встала рано, кинулась к окошку — верно: улица покрыта ледком. Все идут осторожно, ворчат:

— Ох, и скользко!

А Тома радуется. Она поскорее надела лыжные штаны, кофту, шапочку, привинтила коньки, повязалась шарфом и шагнула к дверям.

Вдруг нога подвернулась, и Тома схватилась за дверь, чтобы не упасть. Но дверь отворилась, и Тома повалилась на стул. Стул опрокинулся, и Тома всё-таки упала на пол.

Костик подбежал к ней:

— Томочка, ушиблась?

— Нет, ничего. Конечно, на коньках в комнате нельзя.

*Нога подвернулась, и Тома схватилась за дверь,
чтобы не упасть.*

Она ухватилась за стул и давай его толкать. Толкала, толкала, пока не выбралась со стулом на крыльцо. А там ступеньки. Как по ним спуститься? Со стулом нельзя — он широкий. А без стула страшно!

Тома постояла на крыльце, потом позвала:

— Косточка!

— Что?

— Помоги!

— Сейчас!

Костик надел пальто, шапку, валенки, вышел на крыльцо и помог Томе спуститься со ступенек.

— Так, спасибо, — сказала Тома. — А теперь я поеду. Пусти.

Тома думала, что это легко. Она заложила руки за спину, оттолкнулась — и вдруг ка-ак грохнется наземь!

Костик подбежал к ней и помог подняться. Тома вцепилась в него:

— Косточка, ой, только не уходи! Ой, держи меня, а то я падаю... Нет, я еду куда-то!

— Да я тебя держу, — ответил Костик. — Пойдём на бульвар, там лучше.

— Боюсь! — ответила Тома. — Тебе хорошо, когда ты не на коньках.

— Дай мне тогда немножко.

— Сейчас... Потом... Я сначала сама. Пойдём!

Бульвар — вот он, тут, рядом. Но как дойти до него, когда ноги едут не туда, куда нужно, а куда им вздумается?

— Ой, сейчас упаду! Давай лучше туда меня толкай, к ступенькам... Ой, только не отпускай меня, Косточка, миленький!

Костик кое-как помог Тома вернуться к ступенькам. Тома села, отвинтила коньки и легко вскочила на ноги. Ох, как хорошо без коньков!

— Томочка, дай мне немножко!

— Сейчас, Косточка, я только ещё чуточку...

Тома побежала на бульвар. Костик побежал за ней. Там было много ребят. Все ловко катались на коньках.

Тома села на скамейку, привинтила коньки, осторожно встала... Вдруг коньки сами собой поехали, и Тома с размаху хлопнулась на скамейку.

— Что же ты сидишь? — спросил Костя. — Боишься?

— Да нет... просто... посидеть захотелось!

— Тогда дай мне!

— Нет, погоди ещё немножко...

Тома вздохнула, встала и, держась за Кос-

тика, нерешительно двинулась вперёд. Но тут одна нога поехала вправо, другая влево, и Тома растянулась во весь рост поперёк аллеи.

— Плохие коньки! — закричала она, лёжа на снегу. — На́ вот тебе, возьми!

Она сняла один конёк, потом другой и бросила Костику.

— Томочка, а ботинки? — взмолился Костя.

— На́ вот тебе и ботинки и ключ... Всё — на́!

Она сняла ботинки, сунула ноги в Костины валенки и побежала домой. А Костик остался на бульваре.

Он долго не возвращался. В обед пришёл папа:

— Где Костик?

— На бульваре.

— Что ж он там делает?

— Не знаю. Падает, наверно.

— Пойдём его искать.

Папа с Томой вышли на бульвар. И тут они увидели Костика. Красный, потный, с синяком на лбу, весь облепленный снегом, он весело подкатил к ним на Томиных „снегурках“.

Тома глазам своим не поверила.

— Научился? — крикнула она.

— Научился! — ответил Костик, лихо взял под козырёк и понёсся вдоль аллеи на блестящих коньках.

Пришлось папе купить ещё пару коньков. И теперь маленький Костик учит большую Тому кататься:

— Ты посмейся только, Томка, не бойся! Тогда научишься.

СОДЕРЖАНИЕ

Дом	3
Приказ	16
Коньки	24

Для младшего школьного возраста

Тайц Яков Моисеевич

П Р И К А З

Р а с с к а з ы

Ответственный редактор Л. Г. Тихомирова. Художественный редактор Н. З. Левинская. Технический редактор О. В. Кудрявцева. Корректор Э. Л. Лофенфельд. Сдано в набор 16/1 1968 г. Подписано к печати 22/IV 1968 г. Формат 70×92¹/₁₆. Печ. л. 2. Усл. печ. л. 2,34. (Уч.-изд. л. 1,56). Тираж 750 000 экз. ТП 1968 № 263. Цена 7 коп. на бум. № 2. Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглаволиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Суцеский вал, 49. Заказ № 1942.

СЕРИЯ „ЧИТАЕМ САМИ“

ДОРОГИЕ ПЕРВОКЛАССНИКИ!

Издательство «Детская литература» выпускает для вас серию книг «ЧИТАЕМ САМИ». В 1968 году в этой серии выйдут следующие книги:

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ. ЦВЕТЫ ЛЕТА.

Рассказы и стихи русских писателей

КАК КОШКИ ЛОВЯТ РЫБУ.

Рассказы о животных С. Аксакова, Л. Толстого, К. Ушинского и других.

Всеволожский И.

ВОСЕМЬ СМЕЛЫХ БУДЁНОВЦЕВ.

Рассказы о Будённом и его товарищах, боровшихся с врагами во время гражданской войны

Ильина Е.

ШУМ И ШУМОК. Сказки

Пришвин М.

ВАСЯ ВЕСЁЛКИН. Рассказы.